

МЫ НЕ СИЛЬНЫ ПРОТИВ ИСТИНЫ

Место лютеранства среди различных религиозных мировоззрений

LUTHERAN HERITAGE FOUNDATION
36380 Garfield Road Suite 3
Clinton Township, MI 48035
USA

www.lhfmissions.org

SUOMEN LUTHER-SÄÄTIÖ
PL 127
00101 Helsinki

www.luthersaatio.com

Иллюстрация на обложке: фрагмент витража из Нюрнберга, 16 в.

Рисунки: Мария Пиетиля

Перевод с финского: Дарья Шкурлятьева

Русский перевод посвящается Дмитрию Розету

«Где пролегает лютеранский путь в наше время? Мартти Ваахторанта расчищает этот путь вдохновенно и основательно» - д-р теологии Рейо Арккила

«У автора честный взгляд на возможность объединения христиан, что редко можно встретить. Ваахторанта с огромной любовью говорит о важности общения христиан друг с другом, одновременно показывая, что при этом не стоит извиняться за то, что мы являемся лютеранами. Его аргументы воодушевляют и радуют. Ваахторанта не дает психологических советов, но говорит об этой серьезной проблеме теологическим и духовным языком, который каждый способен понять» - пастор, миссионер Ристо Сорамиес

Автор статьи д-р теологии Мартти Ваахторанта служит миссионером в Германии.

Данная брошюра продолжает серию «Утренняя звезда» Финляндского Лютер-фонда, посвященную основополагающим вопросам духовной жизни. Редакторы серии – пробст, кандидат теологических наук Симо Кивиранта и пастор Юхана Похьола.

Брошюра переведена на русский язык и размещена в интернете с разрешения Лютер-фонда

1. Вступление

Эта статья появилась как ответ на вызов, который бросает лютеранскому миссионеру его служение. Вероисповедание миссионера, именующего себя лютеранином, а также его связь с определенной Церковью, с которой он себя ассоциирует, именно в сфере миссионерского служения зачастую никак не проявляются. Наша государственная религия перестает быть чем-то самоочевидным и становится вещью, требующей особых обоснований.

Мир становится все более тесным и все более неоднородным – в этих условиях финским христианам, как и всем остальным, не удалось избежать конфессиональных проблем. Хотя лютеранство в Финляндии на протяжении столетий имело статус практически государственной религии, пиетизм издавна оказывал влияние на народное благочестие, привнося традиции, заимствованные как из Римско-католической Церкви, так из реформатских церквей – при этом влияние всегда касалось духовной сферы. Более, чем за сто лет, влияние, прежде всего, различных западноевропейских и американских протестантских церквей и духовных движений создало предпосылки не только для усиления религиозной свободы и открытости общества, но и для формирования нынешней неоднородной финской церковности, раздробив ее на части. Современное экуменическое движение, равно как появляющиеся в городах небольшие общины, не имеющие определенной конфессиональной принадлежности, заставляют живущих в Финляндии обычных лютеран, наделенных какой-либо ответственностью, а также работников общин или духовных движений давать ответ на вопрос, что же означает быть «лютеранином» посреди религиозного многообразия постмодернистского мира.

Для того, чтобы мы могли ответить на этот вопрос, нам необходимо, прежде всего, самим во всем разобраться. Являемся ли мы лютеранами только потому, что нам довелось родиться в стране, где данная форма религиозности столь же обычна, как католицизм в Италии или англиканство в Англии, или даже еще обычнее? Знаем ли мы на самом деле, что такое лютеранство, даже если сознательно его исповедуем? Что мешает нам перейти насовсем в другую протестантскую церковь, когда мы живем в окружении иностранцев, среди которых являемся единственными лютеранами? Почему мы возражали против подписания Евангелическо-Лютеранской Церковью Финляндии Совместной декларации о доктрине оправдания и критически отнеслись к Соглашению Порвоо?

Данная статья не является попыткой ответить на все эти вопросы. Моя единственная цель – осветить ситуацию, в которой мы находимся, и, посмотрев в корень, указать пытающимся разобраться в конфессиональных проблемах, где им стоит искать ответы. Я также надеюсь, что моя статья станет поводом для обсуждения там, где к своей вере и к своему вероисповеданию относятся серьезно и где хотят, чтобы Христианская Церковь была служительницей Евангелия Христова.

2. Кто мы такие?

Понятие «лютеране» многозначно. Его содержание зависит от того, под каким углом на него взглянуть. Тем не менее, если смотреть *в корень*, то отдельные картинки сложатся в единое целое. Так, понятие «лютеране» в данной статье охватывает как *отдельных христиан-лютеран*, так и различные *местные общины*, являющейся, в свою очередь, частью большой *государственной Церкви*, небольшие *конфессиональные объединения* или *горстку работников*, а также *всю Лютеранскую Церковь* как часть многообразного христианского мира. Все эти три аспекта, по сути, настолько тесно связаны друг с другом, что имеет смысл включить в данный раздел также и размышления о том, где же наше место среди мирского и христианского многообразия.

Но прежде, конечно, нужно выяснить, кто же такие «мы» - мы, которые размышляем о своей идентичности. Что характеризует нас как отдельных людей и как группу? Что объединяет нас друг с другом?

Первый объединяющий фактор, который приходит на ум – это, конечно же, *вера*. Такой ответ, однако, слишком прост, хотя он, если не вдаваться в детальный анализ, является правильным. Без более точного определения, просто *вера* как таковая, как движение человеческой души, как восприятие определенных вещей, их одобрение и согласие с ними, или как направление наших желаний, не может быть объединяющим или разъединяющим фактором, лежащим в основе личной или групповой самоидентификации. Не это делает нас лютеранами или даже христианами.

Конечно, «вера» - само собой разумеющаяся предпосылка нашей принадлежности к определенной группе. Сегодня находиться среди «верующих» - значит, принадлежать к числу миссионеров, лидеров движения пробуждения, усердных посетителей церкви и активных участников духовных собраний. И правда, где, если не среди них, искать верующих?

С одной стороны, «вера» или «наличие веры» не годятся в качестве объединяющего фактора, как уже было сказано выше. С другой стороны, «вера», в христианском значении этого слова, является глубоко сокрытой тайной, которая, в конечном счете, открыта только Богу и открывается в один прекрасный момент каждому из нас по отдельности, но *с полной уверенностью* можно сказать, что наша вера никогда не очевидна для окружающих нас людей. В этом смысле никто никогда не может с полной уверенностью сказать даже о собственном супруге, что этот человек является «верующим», а когда речь идет о нас самих, то, в конечном итоге, полагаться можно лишь на Спасителя, но не на собственную душу и не на собственное сердце.

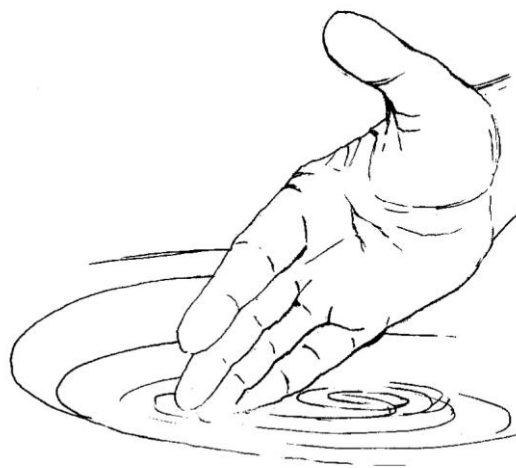
Христианская вера по сути своей сокрыта от глаз, но она спасает человека, оправдывает грехи и позволяет человеку вступить в отношения с Богом через Христа во Святом Духе. Если об этом забыть и вместо этого внимание обращать исключительно на человека и на его «веру», то есть на его качества, его поступки и порывы его чувств - тогда такая «вера» объединит нас, разумеется, не только со всеми «верующими» христианами, независимо от их исповедания, но и *с приверженцами других религий*, выходящих за рамки христианства. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно совсем немного познакомиться, например, с исламской мистикой.

Вера как характеристика психологического состояния человека или как основная направленность его духовности не может быть тем общим знаменателем, который позволил бы отграничить нас как отдельных личностей и как группу от окружающих - как от принадлежащих к христианскому миру людей, так и от находящихся за его пределами - будь наше подвижничество сколь угодно усердным, решимость сколь угодно видимой, а обращение сколь угодно радикальным. Мы не можем положить все это в основу самоидентификации. Если попытаемся так поступить – будем строить на ложном основании, считая его надежным, и будем бесконечно сомневаться в своем спасении и в своем призвании. Нас всегда за углом будет поджидать природная религиозность, которая позволит всем «верующим», презрев рамки конкретных религий, ударить по рукам, вдохновившись мыслью о едином всемирном духовном опыте. И тогда слепые станут вождями слепых.

Но что же нас тогда объединяет, если не *вера*? Ведь и Апостол Господень Иоанн говорит, что «сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1 Ин. 5:4). А ведь слова Апостола – это слова Самого Бога, обращенные к нам!

Однако давайте посмотрим, что Иоанн сказал двумя фразами ранее: «Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден» (1 Ин. 5:1). В предыдущей главе говорится: «Духа Божия узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1 Ин. 4:2).

Глубочайшая тайна спасительной веры заключена не в наших душевных порывах, но в том, что Троиственный Бог милостиво позаботился о нас, во Христе заключил нас в Свои объятия и укрыл нашу греховность одеждами Христовых заслуг. Вера, понимаемая таким образом, объединяет нас со Христом, а во Христе – друг с другом силою Духа Святого. Однако эту веру мы не можем каким-либо естественным способом увидеть, услышать или потрогать. Ее нельзя положить в основу ни нашей собственной, ни групповой самоидентификации. Друг с другом нас объединяет и отделяет нас как группу и как отдельных лиц от всего остального мира *сформулированное вероисповедание*. Здесь имеется в виду и вероисповедание как акт, но, прежде всего, речь идет о содержании. Более важным, чем сам факт наличия у нас вероисповедания, является то, *что* мы исповедуем и Тот, *Кого* мы исповедуем.

Ведь когда мы произносим слова исповедания – мы говорим не о нашей личной вере, не о нашем личном жизненном опыте и даже не о тех удивительных дарах, которые мы получили по милости Божьей, но мы исповедуем *Бога*, таким каким Он нам Себя открыл, возвестив о Себе, таким, каким Он предстает пред нам в Своих *милостивых деяниях* на протяжении всей истории спасения, таким, каким Он в конце концов предстал пред нами в Своем *Сыне Иисусе Христе* – в Его жизни, смерти, воскресении и вознесении на Небеса.

Итак, отправной точкой нашего исповедания и той веры, о которой в этом исповедании говорится, является *исповеданное Богом* и то, *во что верит Бог*. *Бог сказал*, что Он верит в нас, прежде, чем кто-либо из нас мог исповедать свою веру в Бога. Но каким же образом Бог исповедует Свою «веру» в нас, заслуживающих осуждения на вечные муки, отпавших от своего Творца? Это происходит тогда, когда Отец, после многочисленных обещаний, данных в Ветхом Завете, в конце концов посылает в мир ради нашего спасения Сына Своего, дабы Он претерпел наказание за наши грехи. Это происходит, когда Он встает из могилы Победителем, полностью искупив наши грехи и грехи

всего мира. Бог «признает» нас, когда позволяет, чтобы Слово Его проповедовалось по всей земле и когда посредством воды Крещения и Святого Духа заново рождает нас, даруя нам живую веру.

Эти *Божьи* деяния, *Божью* верность и *Божье* «признание» мы исповедуем словами Краткого Катехизиса: «Ни собственным разумом, ни своими силами не могу я уверовать во Иисуса Христа, Господа моего, или к Нему придти, но Дух Святой призвал меня чрез Евангелие, просветлил меня дарами Своими, осветил и сохранил в истинной вере, так же как Он всё христианство на земле призывает, собирает, просветляет, освящает и во Иисусе Христе сохраняет в истинной вере единой»¹.

Наша вера неразрывно связана со Христом. Она основывается на Нем, на Его праведности и святости, на Его заслугах и на Его победе – не на нас. Наше исповедание заключается в том, что мы признаем Христа таким, каков Он есть, а признавая Его, признаем Троидного Бога. Именно это отличает нас как христиан.

3. Кто такой Бог?

Ответы порождают новые вопросы: Каков Бог? Каковы Его милостивые деяния? Откуда мы о Нем узнаем и как можем Его исповедовать?

Кто угодно из нас сумеет ответить на этот вопрос: «О милостивых деяниях Бога и о Нем Самом мы узнаем из Его Слова, из Святой Библии». Это правильно. Все христиане ответили бы так же.

Но к этому стоит добавить пару примечаний. Они связаны друг с другом и заставляют нас вспомнить о приведенных выше словах Иоанна: Мы исповедуем Иисуса из Назарета как *ставшее плотью* Слово Божье и даже как Самого Бога.

Ведь Бог предстал пред нами не в виде какого-то недостижимого потустороннего слова, Он не оставил Свою Книгу парить где-то между небом и землей. Когда мы встречаемся с Богом, Он не находится в состоянии изоляции ото всего, мы не можем сказать, что Он нематериален, не имеет никакой связи со временем и с пространством – напротив, Он органично связан с человечеством и с его историей. Точно так же, как Бог сотворил нас, по образу Своему, мужчинами и женщинами, и в таком виде связал нас друг с другом, так после грехопадения, с самого начала, Он призвал к Себе Свою семью, Свою общину, Свой народ. Этой общине Он открылся, этим народом Он стал руководить, среди избранного народа и от этого народа родился,

¹ Перевод А. А. Никитина, Издание Финляндской Конфессиональной Лютеранской Церкви, Lahti, 1999

вочеловечившись, Его Единственный Сын. Из живущих на земле людей, родственников, племен, народов Он начал собирать новозаветную общину, Церковь, Невесту Своего Сына и Свою семью, начиная от Иерусалима и до краев земли.

Действуя именно посреди этой Церкви, Святой Дух в итоге помог запечатлеть на папирусе, пергаменте, а затем на бумаге и в переплетенных книгах повествования о Своих великих деяниях, которые Он совершал от начала мира будет совершать до конца времен. В этой Церкви Он Сам говорил, проповедовал, учил и молился устами верующих людей, а также Он устроил, чтобы появившиеся по Его вдохновению пророчества, видения, молитвы и наставления были записаны для нас как Его Слово.

То есть когда мы говорим о Слове как об источнике и об объекте нашей веры, мы одновременно, прежде всего, говорим о том *персонифицированном* Божьем Слове, Которое в определенном историческом контексте стало плотью, придав историческому процессу завершенность, Которое является гарантом записанного и проповеданного Слова – мы говорим о воплотившемся Слове, о Самом Боге, хотя Библия как таковая, как просто книга, конечно же, является частью тварного мира, частью окружающей нас действительности. Также мы никогда не можем говорить о Библии, не говоря при этом о Церкви, об общине, о членах семьи Божьей. Община, разумеется, не является источником авторитета Библии, равно как не община создала Библию – скорее, как раз Библия создает общину. Тем не менее, Библия была дана собранию верующих, и община Господня, Церковь, открывает Библию, Слово Божье, миру посредством проповеди и свидетельства, воистину поддерживая таким образом свою жизнь. Такова историческая и богословская правда. Итак, кому Церковь здесь, в этом мире, не мать, тому Бог на Небесах не Отец, как говорили древние отцы Церкви.

Именно Церковь, народ Божий, Духовное Тело Христа, исповедует Его таким, каким Он открывает Себя в Своем Слове. Но как исповедовать что-либо из того, совместному чтению чего мы посвятили многие дни? «Верую в Бога – в такого, каким показывает Его Библия» - это правильные и замечательные слова. Только вот каким именно Библия нам Его показывает?

Ведь не только дьявол умеет читать Библию на свой лад, щекоча себе уши. Все мы, грешные, наделены этой способностью, зачастую прикрываясь при этом великим благочестием. С самого начала в Христианскую Церковь проникали различные специфические учения и выползающие из разных углов ереси, по-своему читавшие Библию, толковавшие ее вкривь и вкось. На самом деле, даже исторические корни библейского канона, его формирования, по большей части, уходят именно в эту проблему – было необходимо противостоять заблуждениям Маркиона, опасного, старого, но неожиданно оказавшегося очень актуальным лжепророка.

Таким образом, Церковь, когда она исповедует свою веру, оказывается облаченный в одежды своих *Символов Веры*. В них не исповедуется ничего помимо того, чему учит Святое Слово, но содержание веры представлено в них в краткой, простой и запоминающейся форме, подходящей для частого повторения. Мы также на наших лютеранских Богослужениях читаем вслух *Апостольский* или *Некео-Константинопольский Символ Веры*, присоединяясь таким образом к апостольской и библейской вере единой святой христианской Церкви.

4. Мы веруем в Троидного Бога

Мы приближаемся к нашей основной теме. Ведь действительно, Никейский Символ Веры объединяет христиан, является грандиозным консенсусом, хотя внутри структуры Церкви все еще сохраняется разделение на части, возникшее почти тысячу лет назад: Церковь разделена на восточную часть, т. е. Византийскую, так называемую *Православную Церковь*, и на западную, т. е. Римско-католическую Церковь. Отдельно можно говорить о различных *ориентальных Церквях*, обособившихся еще в первом тысячелетии и шедших своим путем.

Однако в широком смысле слова все эти Церкви принадлежат к тому сообществу, которое исповедует вместе с нами того же самого Бога. Мы не считаем христианами тех, кто не исповедует веру в Святую Троицу. То же самое касается и тех современных ответвлений христианства, которые официально не используют Никейский Символ Веры в качестве эталона своего учения, что-то добавляют к нему – во всяком случае, изменяют его форму.

Итак, мы считаем, что христиане, последователи Христа, есть всюду, где на основании Святого Слова исповедуют веру в Святую Троицу, ибо, само собой разумеется, в Никейском Символе Веры говорится также и о том, что называют «соблазном Креста»: казненный Пророк из Назарета – это и есть Сам Бог, воскресший Искупитель грехов, Победитель смерти. Те многочисленные христиане, которые исповедуют Иисуса как обретшее плоть Слово Троидного Бога, подобны разбежавшимся ученикам, стоящим на крутом голгофском холме и вззирающим на Искупительный Крест. Различные церковные сообщества и ответвления стоят на одной и той же скале – кто-то ближе ко Кресту, кто-то у самого подножия Креста, кто-то подальше, почти на самом краю страшного обрыва, одни ближе друг ко другу, другие в гордом одиночестве. Но все они смотрят на одного и того же Христа.

Возможно, некоторые из смотрящих видят верхнюю часть Креста и замечают на одну поперечную перекладину больше, чем другие, которые видят лишь небольшую косую перекладинку-подножие. Но Крест, тем не менее, один и

тот же. Тот же самый и Господь, хотя увидеть Его страдающее на кресте Тело кому-то из христиан труднее, чем другим. Однако же Он там присутствует.

5. Единство, общение, совместная работа?

а) Библейскость как объединяющий фактор

Так как же обстоят дела? Является ли лютеранство лишь одним из возможных одеяний учеников или незначительной культурной особенностью, помогающей выделиться в толпе стоящих на Голгофе? Если вселенская, то есть, католическая, Церковь представлена по-разному у разных христиан, но в то же время повсюду она одна и та же, есть ли у нас причина отказываться от общения или от совместной работы с Римом и с Византией, идущими справа, и с различными реформатскими церквями или даже сектами фанатиков, идущими слева?

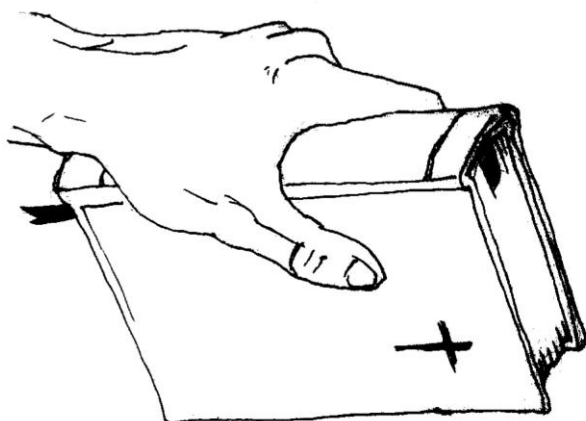
Тем не менее, подобное общение должно быть на чем-то основано и быть чем-то оправдано. Для обоснования христианского общения и особенно единства мало наличия общих религиозных переживаний, равно как любви к прекрасному или любви к высокой литургии. Единства не получится от наличия какой-либо «церковности», равно как и от наличия непонятого «духа пробуждения», «евангельского духа» или «харизматичности». Мы ведь знаем, что даже мусульмане «верят в Иисуса», хотя, разумеется, по-своему, и что как красоты, социальной привлекательности («мировая религия»), так и истового желания распространять свою веру в исламе вдоволь.

Но как же насчет «библейскости» и известных основополагающих догматов? Могли бы они стать основой экуменического общения или даже лечь в основу единства? Разумеется, это база для общения. Хорошим подспорьем при поиске объединяющих факторов оказывается также наличие общего практического опыта, но при условии, что не упускают из вида главное содержание этого опыта. Библейскость – это действительно предпосылка для общения всех христиан и для их совместной работы.

б) Что такое «библейскость»?

Проблемой будет (и много раз было в истории христианства) лишь то, что «библейскость» понимают огромным количеством разных способов, и красивый принцип часто используется произвольно, как вздумается в тот или иной момент. Среди серьезных христиан вы определенно не найдете ни одной церкви или секты, которая не говорила бы, что она принципиально придерживается Библии и руководствуется ее авторитетом во всем, что касается веры и учения. Но – в таком исповедании многократно и многими способами говорится: «Но...». Не безразлично, каким именно образом и

насколько полно сформулированное вероисповедание передает содержание Библии. Это не буквоедство, когда спрашивают, что же именно из Библии, в конечном итоге, в различных церквях и сектах исповедуют, что именно считают за истину, с чем хотят соизмерять учение и церковную жизнь.

Если бы Библия как книга относилась к потусторонним, нетварным реалиям – так, например, мусульмане понимают свой Коран или, во всяком случае, его бумажную версию – тогда, конечно, подобные вопросы не возникали бы. Некоторые люди думают, что, хотя Бог и сохраняет Свою величайшую святость, Библия все же является лишь

неполным сборником, где описан религиозный опыт людей – а значит, различные противоречащие друг другу толкования не способны расшатать существующие на совершенно ином уровне, духовные, непосредственные, личностные отношения человека со своим Творцом. Тут перед нами предстают «левые» христиане, «фанатики», идущие, сами того не зная, рука об руку с так называемой либеральной теологией и новомодной европейской «легкой религиозностью».

в) Библия и соблазн Креста

В действительности, однако, человеческая внешность и пестрый характер Слова – это часть того самого соблазна Креста. Бог в Библии не становится постижимым для обычного падшего человека, но Он также и не остается сокрытым в потустороннем мире – Он спускается вниз, действует посреди истории и человеческой жизни и даже Сам становится настоящим, истинным Человеком, живущим в тех же условиях, что и мы. Внешне Библия – человеческое повествование, но это единственное возможное, надежное повествование о воплотившемся Божьем Слове, о милостивых деяниях Бога и, прежде всего, о Христе, совершившем эти деяния. Именно таким является Слово Самого Бога.

В повествовании о Боге и о Его деяниях объектом повествования становится Сам Рассказчик. Человеческие слова – это обращение Самого Бога к нам, а человеческие свидетельства о Боге – Его единственное откровение о Самом Себе. Он открывает Себя нам таким, каков Он есть. Он предстает пред нами как Тот, Кто хочет и может нас спасти. Сотканный из человеческих слов текст приближает к нам несотворенное, вечное Слово, «сошедшее с небес ради нас, человеков, и спасения нашего ради, и воплотившееся от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившееся, и распятое за нас при Понтии

Пилате, страдавшее и погребенное, и воскресшее в третий день по Писаниям, и восшедшее на небеса, и сидящее одесную Отца, и снова грядущее со славою судить живых и мертвых, Его же царствию не будет конца».

Отречение от Библейского Слова – это отречение от милостивого Бога, ведь от созерцания святости Божией мы никуда не денемся. Убирая что-то прочь из Божьего Слова, мы убираем прочь одно из оснований нашего спасения. Добавляя что-либо к Божьему Слову, мы показываем, что не доверяем тому, Кто такой Христос и тому, что Он для нас сделал.

Все же этот библейский принцип не следует понимать неверно: придерживаться Библии – не означает толковать ее так, как толкуют ее так называемые фундаменталисты. Они считают себя верными Библии, но однако же читают ее сквозь самостоятельно выбранные «очки» и претыкаются о соблазн Креста. Они навязывают Слову свои собственные нормы, связанные с культурным и исторически обусловленным пониманием истины, благодаря чему Библия в их глазах становится правдоподобной. Однако если Бог Сам стал смертным человеком и жил среди нас, если Он открыл Свое Слово в условиях нашей жизни, в доступной для человеческого понимания форме, если Он открывал его на протяжении различных исторических периодов – значит, мы должны принять это и не пытаться принудительно впихнуть Библию в рамки нашего ограниченного понимания или приспособить ее к актуальной в наши дни картине мира.

Вместе с тем, не следует запрещать толковать Библию или проводить теологические исследования. Это логически следует из того, что Бог с готовностью понес Крест и вверил Свое Слово несовершенной общине, поручив ей сохранять его и распространять далее.

Если же мы считаем, что между видимым Словом и Богом находится непреодолимая пропасть, если в принципе отвергаем авторитет Библии и сомневаемся в ее надежности, если признаем наряду с ней иные источники учения или отбрасываем всё то, что по различным причинам не вписывается в рамки нашего понимания – тогда мы совершаем ужаснейшее надругательство над страданиями Господа и ломаем, в лучшем случае, половину из тех «спасительных лестниц», которые Господь однажды нам протянул и всё еще продолжает протягивать. Ведь тогда мы отрицаем, что сила Божья в немощи совершается и, вопреки Его заповеди, рисуем себе Его ложный образ. Тогда мы сами преграждаем Ему дорогу к нам из Небесной славы, вынуждаем Его остаться там, бесконечно далеко от нас и от наших бед. Мы не осмеливаемся броситься к Нему и волей-неволей должны полагаться на самих себя в деле спасения, если Распятый Господь не устраивает нас таким, каким Его описывает Слово, и если мы не готовы принять Его на тех условиях, о которых говорится в Слове.

г) Суть лютеранства

Только Бог может нас спасти, только по благодати, только ради Христа, только через веру. Именно это мы, будучи *лютеранами*, исповедуем. И тут мы подразумеваем Того Христа, Которого нам открывает Библия, и те условия спасения, о которых возвещается в Божьем Слове. Сами мы не можем подняться к Святому Богу на Небеса, в нас самих нет никаких духовных «гиперссылок», благодаря которым мы можем общаться с Милостивым Богом. Также у нас нет ни одного достаточно хорошего дела, которое мы могли бы предложить в качестве компенсации за наши грехи. Поэтому мы отвергаем все пути, которые ведут к Богу посредством дел, мы стоим пред Ним в полной беспомощности, когда Он приближается к нам в Слове, в Таинствах Крещения и Причастия, в отпущении грехов и в любви общины. Мы принимаем Его таким, каков Он есть на самом деле. Принимаем Его в Слове, принимаем Его в Таинствах, соответствующих Слову. Принимаем в оправдании верой.

Так лютеранство понимает себя. Для лютеранства важно наличие Слова, Таинств и сформулированного исповедания веры. Такой Лютеранская Церковь себя видит – преемницей той Церкви, которая еще во времена Ветхого Завета узрела великое обетование Божие и которую Сам Господь созывал, пребывая во плоти, а после Воскресения – посредством деятельности Апостолов, и которой Он поручил нести Благою Весть по всему миру.

По своей внутренней, невидимой сущности Церковь – это объединение людей, пребывающих в общении с Богом, а в Боге – друг со другом. Это сообщество людей, праведных верой. Они – Невеста Христова и Его духовное Тело. Видимой «единая, святая, вселенская и апостольская Церковь» становится там, где крещенные собираются слушать чистое Слово Господне и здоровое евангельское учение, где в Причастии они принимают Истинное Тело и Истинную Кровь Господа. Она становится видимой благодаря той церковной структуре, которую учредил Сам Господь, благодаря тем служителям, которых Господь использует, чтобы пребывать Главой Своей Церкви и Женихом, через проповедь Своего Слова и совершение Таинств, надзор за Своею Церковью и руководство ею. Она становится слышимой в истинном апостольском вероучении, в молитвах, благодарениях и хвалениях, которыми Церковь отвечает на милостивое присутствие Господа. Она становится осязаемой благодаря тем свидетельствам, которые все мы, христиане, являем в своих словах и делах, каждый на своем месте, каждый выполняя свою работу.

В этом заключается наша лютеранская самоидентификация, так мы отделяем себя от многочисленных окружающих нас исповеданий – незамутненная проповедь Слова и соответствующие Слову Таинства, объясняемые и

преподаваемые согласно повелению Господа. На это нацелено наше лютеранское вероисповедание, которое мы приняли. Нас связывает друг с другом, в первую очередь, не социологический фактор членства в Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии, но именно это исповедание, принятие Господа таким, каков Он есть, принятие Его Слова как Закона и Евангелия, принятие Его Таинств в качестве истинных, действенных средств благодати и даже в качестве места таинственного присутствия Тела и Крови Господа.

Там, где все эти опознавательные знаки нашей Церкви сходятся воедино, сияет драгоценная корона нашего учения и нашей самоидентификации: *оправдание верой*. Никогда нельзя забывать о том, что оправдание верой связано со средствами благодати, с Законом и Евангелием, с истинным учением и даже с учрежденной Богом должностью проповедника. Они образуют нераздельное единство, когда мы как лютеране пытаемся определить свое место среди многочисленных окружающих нас вероисповеданий.

д) Связь библейскости с оправданием верой

Мы знакомы как с христианскими «правыми», то есть с Римской и Византийской Церквями, так и с христианскими «левыми», то есть с различными спиритуалистическими и харизматическими сектами, знакомы мы и с реформатскими церквями. Часто следующие из неверной христологии ошибки в учении о Слове и о средствах благодати находят свое отражение также и в учении об оправдании. Если православные подчеркивают, что отношения между Богом и человеком лучше всего передает слово *synergia*, т. е. сотрудничество, то среди «левых» христиан мы с легкостью обнаружим тех, кто настойчиво утверждает, что человек обладает свободной властью решать касающиеся его спасения вопросы по своему усмотрению и что он сам, насколько это только возможно, должен стараться искупить свои грехи, а потом уже надеяться на Божье прощение. Отрицается даже учение о первородном грехе.

Бок о бок с этими ошибками идет недоверие к Слову, облеченному в библейские слова. Хотя мы, лютеране, тоже высоко ценим всё вероучное наследие Церкви и с удовольствием читаем церковные наставления, показательны, что некий греческий молодой православный богослов однажды сказал: «Вы, лютеране, стоите на одной ноге, а мы, православные, опираемся на обе ноги, на Библию и на отцов». Среди «левых» христиан мы обнаружим, в свою очередь, фанатиков с многовековыми традициями, которые не придают библейским словам особого значения или даже вообще не считают их Божьим Словом. Внутреннее Слово, различные видения и «слова, полученные напрямую от Бога» ценятся куда больше, чем Библия.

Аналогичная проблема возникает, однако, и с нашими ближайшими соседями. Поскольку у нас, лютеран, есть прививка против разных фанатичных сект, мы предпочитаем образовать альянс с евангельскими христианами, взяв за основу общий страх перед Римом. Вместе с тем, в церковном общении с кальвинистами и даже с американскими баптистами мы зачастую перестаем критически мыслить и ведем себя слишком доверчиво. Ведь нас объединяет то, что мы держимся Божьего Слова и отвергаем фанатизм.

Общение с Римом и Византией, действительно, оказывается затруднительным из-за того, что и восточные православные и римские католики помимо Библии считают авторитетными иные источники, на которых основывают многие небиблейские учения. Но и евангелические христиане порой не замечают, что, в конечном итоге, приходят к тому же самому, когда, хотя формально и следуют Библии, все же в качестве окончательного критерия учения принимают то, что кажется естественным человеческому разуму. «Правые» христиане добавляют что-то к Библии, тогда как «левые» и реформаты *убирают* из Библии те принципиальные моменты, которые могли бы открыть дорогу к Милостивому Христу.

е) Святое Причастие Господне, авторитет Библии и оправдание верой

Показательным примером взаимосвязи авторитета Библии и оправдания верой являются различные взгляды на Святое Причастие Господне. Ведь причастное общение – это форма глубочайшего церковного общения и одновременно самая тонкая сфера. Когда речь заходит о Причастии, перед нами встают мучительные вопросы о Личности Христа, о единстве в Нем двух природ, о том, что такое Церковь, о соотношении веры и дел.

Я намеренно не буду говорить здесь о взглядах всех тех христиан «левого» направления, которые, в сущности, проводят вовсе не Причастие, а просто «хлебопреломление», совместную дружескую трапезу, в лучшем случае, вспоминая при этом земную жизнь и страдания Господа. Я буду говорить лишь о *Риме* и о немного в стороне от него находящейся Византии, о нас, *лютеранах*, и о наследниках Реформации *кальвинистах*.

С Римом и Византией нас, лютеран, в этом деле объединяет библейская вера в *реальное присутствие*, в то, что Христос действительно, физически, присутствует в освященном хлебе и вине. Разумеется, мы неодобрительно относимся к начавшимся в период Средневековья спекулятивным философским рассуждениям о том, каким именно образом это чудо становится возможным и что в хлебе и вине «с научной точки зрения» происходит. Так возникло учение о пресуществлении. Но реального присутствия это все же не отменяет. Мы, лютеране, указываем на

освященный во время Таинства Алтаря хлеб и говорим о нем: «Сие есть истинное Тело нашего Господа, за нас преданное».

За эту веру в реальное присутствие стоит держаться руками и зубами. Именно это позволяет нам с твердой уверенностью говорить об *оправдании верой* и одновременно при помощи средств благодати *актуализировать* это оправдание. Христос принес Себя на Кресте в жертву за нас, и Он Сам дает нам Себя, принесенного в жертву, чтобы мы ели и пили. Мы своими телами и душами становимся причастными к Нему, к уготованному Им спасению, к прощению грехов, к жизни и блаженству. Он дает нам все в готовом виде, когда мы подходим к алтарю с абсолютно пустыми руками, грешные, и можем лишь, как дети, принимать Его бесценный дар.

В Причастии неповторимая искупительная жертва Христа становится частью нас и засчитывается нас в праведность. Мы в ответ можем предложить лишь жертву *хвалы*. Это «плод уст, прославляющих имя Его». Хвала, как и величайшая жертвенная любовь к ближнему, подобны роднику, который под воздействием веры начинает бить из-под земли, не в силах сдержаться.

Вместо этого в учении и в практики Римской Церкви Причастие понимается отчасти как собственное дело Церкви для Бога. Говорят о «жертве мессы», когда каким-то образом в жертву вновь приносится то, что Господь уже однажды принес в жертву на Кресте. С одной стороны, верно говорят о репрезентации, то есть об актуализации крестной жертвы в Причастии, но, с другой стороны, говорят также о совершаемой Церковью или даже ее священнослужителем бескровной жертве. Учение о реальном присутствии вроде бы почти на месте, но его удивительнейшее ядро, оправдание верой, затуманивается или даже обращается в свою противоположность посредством учения о жертве мессы.

В кальвинистской традиции происходит тоже самое явление, но внешне оно выражено иначе.

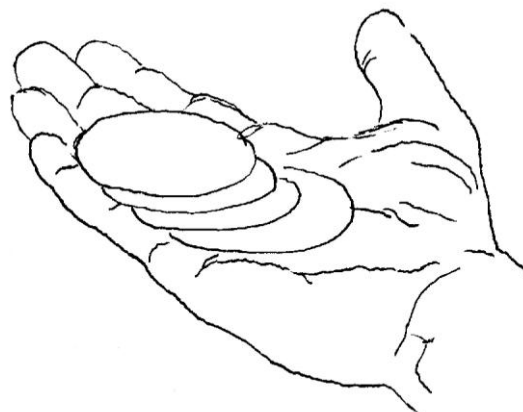
Правда, в отличие от сект фанатиков, кальвинисты учат, что Христос присутствует в Причастии. Но речь, однако, идет не об истинном присутствии в хлебе и вине принесенных в жертву Тела и Крови Господа, но о личном, духовном или просто об осознаваемом под воздействием Христа Его присутствии. Сама причастная трапеза, хлеб и вино, являются для кальвинистов просто символом этого личного присутствия, аллегорией.

Различие между кальвинистским и лютеранским, библейским, взглядом на Причастие порой бывает трудно заметить. Однако выявить его помогает простой вопрос: все ли причастники вкушают Тело и Кровь Господа, или только верующие?

Ответ кальвинистской теологии ясен: верующий причастник вкушает каким-то личностно-духовным образом Тело и Кровь Христа, неверующий же ест лишь простой хлеб и пьет лишь простое вино. В кальвинистском исповедании настойчиво утверждается, что «верующий приводит Христа с собой на Причастие». Согласно такому пониманию, на Причастие идут не для того, чтобы получить полное прощение грехов и приобщиться ко Христу, то есть укрепиться в вере, поскольку именно это Он предлагает в Своем Телесном и в Своей Крови, но туда идут, уже имея твердую веру и будучи глубоко духовными, чтобы подтвердить наличие отношений со Христом.

Конечно, в кальвинистской традиции является великим грехом только для виду вкушать символическую причастную пищу, без веры в то, что она аллегорически обозначает. Тем не менее, наши братья и сестры реформаты – по крайней мере конфессиональные – не могут вместе с нами, лютеранами, присоединиться к той библейской истине, согласно которой предельная серьезность Причастия обусловлена именно тем, что в нем *все* едят и пьют плоды унижения Христа, Его Тело и Кровь, принесенные в жертву. Одни принимают их во спасение, другие – в осуждение. Причастие у кальвинистов не играет, да и не может играть, в жизни ищущего Бога человека той решающей роли, которая отводится ему лютеранами.

В Причастии заключено ядро церковного единства именно потому, что в нем *возвещается* и *актуализируется* глубочайшая тайна, составляющая сущность Церкви: в Причастии мы соединяемся друг с другом, но прежде всего – с нашим Господом, телесно и духовно. Соединение с Господом и в самом деле происходит прежде нашего соединения друг со другом, ибо именно в Господе мы, стоящие на коленях перед алтарем и внешне находящиеся близко друг ко другу, становимся также и внутренне единым духовным телом. Подобное сообщество возникает не благодаря каким-то внешним организационным моментам, также мы не создаем его и своей верой – но нас *принимают* в него через веру. Это сообщество, Церковь, существовало до нас и до нашей веры. Его сущность заключена в Господе, в истинной виноградной лозе, к которой нас, сухих и бесплодных, привили, и внутри которой Дух начинает творить новую жизнь.

Наше окружение многоконфессионально – речь идет не только о соседних странах, но и все в большей степени о нашей родной стране. Нас мучает вопрос: как обрести единство с нашим Господом и друг со другом – единство, дающее жизнь и поддерживающее ее? Во-первых, мы ищем ту

Церковь, где бы мы сами могли насытиться чистым Словом и истинными Таинствами. Во-вторых, нас интересует, с кем из нашего многоконфессионального окружения и каким именно образом мы могли бы вместе работать.

Совместная работа со всеми исповедующими Христа христианами, Церквями и отдельными общинами, по большей части, не вызывает проблем. Объединяющих нас вещей гораздо больше, чем разъединяющих, особенно если мы представляем собой незначительное меньшинство, живя там, где господствующую роль играет ислам или иная государственная религия. Это наша прямая обязанность – держаться вместе, вместе взывать о помощи к Одному и Тому же Богу, а также помогать друг другу в той работе, которую мы выполняем, будучи Его свидетелями в этом мире.

Исполняя долг любви, мы, однако же, не можем в порыве экстаза пойти распродавать что-то из того, что продаже не подлежит. Мы не можем быть вместе или соглашаться с теми, кто во имя христианской любви готов поступиться милостиво данным нам Богом спасением. Мы должны помнить, что Он лучше нас знает, чего Он хочет, и что работник не имеет права начать менять постановления своего Господина по той причине, что его соратник в чем-то ошибается. Он сам предстанет перед своим Господином и ответит за свои решения, но также и мы будем стоять на том же месте и ответим за свои поступки. Мы не сможем ссылаться на ошибки других, оправдывая свои грехи.

Когда мы, христиане, вместе стоим на голгофском холме, мы можем со спокойным сердцем пожать друг другу руки, но если общение требует от нас, чтобы мы сделали один, а может, и два, три, четыре шага, идя в сторону губительной пропасти, повернувшись к ней спиной – тогда лучше оставить руки в карманах и остаться на своем месте, чем в конце концов всем вместе, дружной гурьбой, держась за руки, сделать последний шаг назад и упасть в глубину геенны. Давайте лучше стараться и других привести ко Кресту! Или использую другую иллюстрацию: лучше, вместе, хотя и не бок о бок, идти в правильном направлении, поддерживая друг друга, понимая ошибки друг друга и даже крепко споря, чем, испытывая восторг от единения и ложную любовь, отвергать вероучные различия и, стоя на месте, праздновать свое вновь обретенное единство – одновременно с этим ставя под угрозу достижение конечного пункта назначения.